

где больше не встречающиеся сведения об отправке вексильции III легиона из Северной Африки на Балканы, об организации управления римскими войсками в Северном Причерноморье, упоминает не известную по другим источникам должность, связанную с анноной.

С. А. Беляев

AN INTERPRETATION OF CIL, VIII, 619

by S. A. Belyayev

Particular attention is paid to several points raised by this inscription. In the first place, the office of *procurator ad solaminia et horrea* is discussed. In the author's opinion this office certainly cannot be connected with the Roman city *annona*; it is more likely that Tiberius Plautius Ferruntianus, who held the office and set up the inscription, was connected with grain provisioning somewhere in the provinces, possibly in Moesia or some other Danube territory, where he held his other posts. The author believes that among his responsibilities was the security of granaries.

The author further discusses the post held by Tiberius Plautius as commander of the Roman troops in the North Black Sea area (*praepositus vexillationibus ponticis*). The author points out that so far this inscription is the only document and the earliest evidence attesting a single command over all Roman troops in the area. Analysis of the political and military situation there at the end of the second century A. D. suggests that a reorganization of the Roman command may have taken place in this period, especially since a strategic highway was built along the North Black Sea coast at about the same time (Fr. Cumont, Syria, vol. VI, 1925).

Finally, on the dating of the various posts held by Tiberius Plautius which are mentioned in the inscription. In the author's opinion the careful erasure at the end of the inscription, after the words *donatus donis militaribus*, may indicate that Tiberius Plautius was rewarded by Commodus, which means that he held several posts during the reign of this emperor. These offices should accordingly be dated in the nineties rather than the seventies of the second century, as had been supposed by previous students of the inscription.

ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ПОЗДНЕРИМСКОГО ОБЩЕСТВА НА СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В одном из наших исторических журналов недавно было высказано мнение, что «плодотворным может оказаться изучение средневекового права.... не только в аспекте истории права и правовых институтов, но и как непосредственной составной части всего исторического процесса формирования феодального строя в Западной Европе»¹. То же суждение вполне применимо и к эпохе поздней Империи. В том, разумеется, смысле, что изучение происходивших в римском праве изменений, а также изменений в римском судопроизводстве, должно рассматриваться как составная часть исторического процесса разложения рабовладельческого строя Империи.

В данной статье делается попытка коснуться отдельных вопросов, связанных с отражением на судебной области изменений в социальной структуре общества, но не имеется в виду излагать общие положения организации суда в императорскую эпоху.

¹ З. В. Удалцова, Задачи изучения генезиса феодализма в странах Западной Европы, «Вопросы истории», 1966, № 9, стр. 66.

Во II в. н. э. Авл Геллий, комментируя отрывок из Хрисиппа, изображающий богиню правосудия Юстицию, писал (XIV, 4), что из него можно понять, каким должен быть судья: «серьезным, богобоязненным, суровым, неподкупным, не поддающимся лести, безжалостным и неумолимым с негодяями и преступниками, внимательным, ревностным и могущественным, внушающим страх силой и величием справедливости и истины».

Если вспомнить, что по образованию Авл Геллий юрист, а по взглядам типичный представитель образованных слоев рабовладельческого общества II в., что он жил главными интересами умственной жизни своего времени и не отличался оригинальностью взглядов², то нельзя не признать, что высокое понятие о служении Юстиции было во II в. широко распространено и встречалось не только в официальных заявлениях.

Если бы рассуждение о суде, подобное цитированному, встретилось у автора поздней Империи, то для современников оно могло бы прозвучать лишь как самая злая насмешка.

Признаки разрушения рабовладельческого государства, наблюдавшиеся во всех областях жизни, отчетливо выступали в области судоустройства и судопроизводства. Здесь не могли не находить отражения социально-экономические особенности эпохи, изменения в социальной структуре общества и в первую очередь противоположность *potentiores* и *tenuiores*³.

Симптомами разложения судебного механизма Римского государства были волокита, угодничество перед сильными, подкуп судей. Достаточно яркий пример — Требониан, руководивший составлением Дигест, основной работник при составлении *Corpus iuris*. Требониан продавал за деньги и приговор и закон, толковал законы вкривь и вкось, когда за это хорошо платили⁴. Но в настоящей статье мы оставляем в стороне элементарные способы влияния на суд, практиковавшиеся в поздней Империи, продажность судей и чиновников (CTh, I, 16, 7; CTh, I, 29, 5) и другие многочисленные преступления (*furta et scelera*) судей (CTh, IX, 27 — *ad legem Juliam repetundarum*; особенно IX, 27, 6). Они хотя и достаточно показательны, но широко известны, встречаются в самые различные эпохи и сами по себе еще не объясняют причин перемен в положении судебного дела.

Существенный интерес для нашей темы представляют иные явления. В поздней Империи начинает широко применяться практика подстановки в судебном процессе на свое место влиятельного магната, обычай прикрывать себя на суде именем магната. Явление это стоит в тесной связи с хорошо изученными в исторической литературе патрониниями. Привлечение сильного к участию в судебном споре или — равным образом — полная передача ему права иска трактуется в законодательстве как покровительство в замаскированном виде. Относящиеся сюда конституции и составляют предмет рассмотрения в настоящей статье. Они характеризуют условия общественной жизни Империи; прежде всего свидетельствуют о давлении на суды со стороны *potentiores*.

Для должника в IV—VI вв. приобретает большое значение личность кредитора, хотя бы по содержанию своему то или иное обязательство и не было тесно связано с определенной личностью. А большое значение ростовщичества для социальных отношений IV—V вв. засвидетельствовано рядом авторов, в том числе Оптатом (III, 4) и Августином (Ep. 108, 5, 14). Судя, например, о движении восставших агонистиков по сообщениям Оптата и Августина, можно заключить, что основным социальным слоем,

² См. статью Р. Ю. Виппера «Моральная философия Авла Геллия» (ВДИ, 1948, № 2, стр. 58—64) и мою статью «Аттические ночи» Авла Геллия, как исторический памятник II в.» (ВДИ, 1960, № 3, стр. 145—154).

³ Характеристика этих социальных групп дана в статье А. Р. Корсунского «*Nonestiores* и *humiliores* в законодательных памятниках Римской империи» (ВДИ, 1950, № 1, стр. 81—90). Мы пытались их охарактеризовать в статье «*Defensor civitatis*» (ВДИ, 1965, № 2, стр. 114).

⁴ См. И. С. Перетерский, Дигесты Юстиниана, М., 1956, стр. 39 — со ссылками на работу П. В. Безобразова «Очерки византийской культуры» (1919).

В связи с *patrocinia potentiorum* закон ставит случаи, когда тяжущийся старается на суде прикрыть себя влиятельным именем магната. Название XIII (XIV) титула второй книги кодекса Юстиниана гласит: «О недопустимости для магнатов оказывать покровительство тяжущимся или допускать передачу исков (*ne liceat potentioribus patrocinium litigantibus praestare vel actiones in se transferre*)».

В законах Двенадцати таблиц воспрещалось посвящать богам вещь, если о ней идет спор. Исходили из следующего: факт посвящения вещи богам лицом, которое ею в настоящее время владеет, не лишает, конечно, собственника его права; но если собственник вещь не владеет и хочет ее истребовать, то посвящение этой вещи богам ее владельцем (не собственником) многое затрудняет. Истребовать вещь для собственника в этом случае трудно: приходится иметь дело с понтификами, а это уже само по себе связывалось с такими затруднениями, что собственнику пришлось бы отказаться от своего притязания.

процессе» (Dig. XLIV, 6, 3).

Со временем это предписание расширилось. Основанием послужило одно место Провинциального эдикта, определявшее, что если кто злостно отчуждает вещь, о которой будет процесс, чтобы противопоставить истцу более тяжелого противника, то против него может быть возбужден иск⁶. Таким образом, наказанию подлежит и такое отчуждение, которое произошло еще до начала процесса (Dig. IV, 7, 8, § 1). Гай в 4-й книге комментария к Провинциальному эдикту пишет так (Dig. IV, 7, 1): «Проконсул всемерно заботится о том, чтобы ничье положение не ухудшалось вследствие какого-то действия другого лица. Так как он понимает, что иногда исход процесса становится для нас благоприятным из-за того, что нам противопоставили другого противника, то он также предусмотрел, что если кто-нибудь, произведя отчуждение вещи, подставил на свое место другого противника нам, причем сделал это, посягнув на нас во вред, то он отвечает перед нами по *actio in factum* в той мере, в какой мы терпим ущерб от перемены противника. Поэтому будет отвечать перед нами тот, кто противопоставил нам в качестве противника лицо, принадлежащее к другой провинции или более могущественное»⁷.

⁶ O. L e n e l, Essai de reconstitution l'héritage perpétuel (trad. fr. par F. Peltier), I, P., 1901, стр. 143 сл. (§ 46).

⁷ При переводе отрывка использован перевод (в рукописи) избранных отрывков из Дигест, сделанный покойным профессором И. С. Перетерским.

Последнее суждение Гай поясняет так: «Мы не можем быть в равных условиях с могущественными людьми (*potentiori pares esse non possumus*, там же, 3)». Интересно, что, такое признание сделано уже во II в. Участие *persona potentior* в процессе должно отразиться на положении другого тяжущегося, затруднить осуществление его права. Если в древнейшем праве бедный человек часто не мог начать судебного дела из-за невозможности внести требовавшийся залог, то теперь ему стало трудно вести процесс, если его противник был человеком влиятельным в государственной и экономической жизни. Имеем ли мы право говорить о подобном явлении как принципиально новом, характерном для периода поздней Империи, раз с этим же явлением можно было столкнуться еще в «Золотом веке» Империи? Обратим внимание, прежде всего, на тон комментария Гая к преторскому эдикту. В этом комментарии, немногословном и ясном, звучит уверенность, что суд пресечет несправедливые действия и отвлечет возможные их последствия. Кроме того, надо подчеркнуть, что по классическому праву к *отчуждению вещи*, о которой идет или предстоит суд (*res litigiosa*), не приравнивается уступка *самого иска* (*rei vindicatio*) во время процесса. Таким образом, хотя позднейшее право имеет в классическом как бы подготовительные нормы, все-таки в ту пору уступка *иска* даже во время процесса еще не считалась запрещенной⁸.

Поэтому особенно интересно теперь рассмотреть постановления, которые направлены на борьбу с такими фактами, когда одно лицо уступает свое право кому-либо из *personae potentiores* и этим затрудняет положение другой стороны в процессе. Такие случаи часты и характерны для эпохи быстрого роста могущества *potentiores*, т. е. для IV—VI вв.

Ту же цель — подставить на свое место такое лицо, чтобы затруднить положение противника — можно в какой-то мере усмотреть, например, в весьма распространенном в римской жизни обычае назначать императора, фиска или какого-нибудь влиятельного человека своим наследником, а иногда вместо этого просто дарить перечисленным юридическим лицам какое-нибудь право требования. Целью такого рода сделок было принудить ненавистного противника к исполнению, быть может, весьма сомнительной обязанности. Конституция Гонория и Феодосия 416 г. (СТh, IV, 4, 5) имеет в виду оградить законных наследников от оспаривания их прав на том основании, что покойный будто бы выражал желание, чтобы имущество перешло к императору или иному могущественному лицу. Таков же вообще смысл и следующих законодательных норм.

В Dig. IV, 7, 12 Марциан сообщает: «Если лицо произвело отчуждение вещи с целью избежать процесса о разделе общей собственности, то Лициниевым законом покупателю воспрещается предъявлять иск о разделе: для того, например, чтобы могущественный покупатель на торгах получил вещь дешевле...». Упоминается и такой случай (Dig. IV, 7, 11): солдат желал вести процесс (*litigare*) от своего имени по поводу земельного участка (*de possessionibus*), который, по его словам, был ему подарен; ему дан был ответ, что если дарение совершено с целью изменить ход процесса (*iudicii mutandi causa*), то процесс должен вести прежний собственник, нужно считать, что к новому лицу (к приобретателю) перешла скорее вещь, чем право иска (*lis*).

Провинциальным эдиктом было запрещено злобно *отчуждать вещь* в целях ухудшить положение тяжущегося, подставив вместо себя более могущественное лицо; *на иски и требования эдикт не распространялся*. Это с очевидностью вытекает из того, что иначе все позднейшие постановления, воспрещавшие подставлять на свое место более могущественного противника, были бы совершенно излишни. Но из двух приведенных выше отрывков из Дигест вытекает, что если иск отчуждался в обход запрета, так, что это отчуждение было следствием действительного или фиктивного отчуждения самой *вещи*, произведенного с намерением подставить более тяжелого противника, то в этом (и только в этом случае по классическому праву) действие эдикта распространялось и на отчуждение исков.

⁸ Ср. СTh, 4, 5, 1 и CJ, 8, 36 (37), 2 — даже эта конституция Константина 331 года не содержит такого запрета.

К приведенным местам источников близок по идее фрагмент из сочинений Павла (Dig. XXVIII, 5, 92 (91)), который считает предосудительным назначать императора наследником ввиду предстоящего процесса (*litis causa*). Этот прием встречал неодобрение еще у императоров эпохи принципата: Антонин Пий издал постановление, что он не примет находящиеся в споре права, если ему их будут дарить (Dig. XLIX, 14, 22, § 2): император признавал неподобающим для себя принимать подобного рода подарки и этим ухудшать положение третьих лиц. В *Sent. Receptae* Павла (V, 12 de iure fisci, 7—8) указывается, что и фиску было запрещено принимать такого рода дарения.

Позднейшие императоры оказывались вынужденными вновь подтверждать приведенное правило и, кроме того, вводить еще специальные законы для борьбы с обходом этого запрета; в конце концов фиску было запрещено под каким бы то ни было предлогом вторгаться в юридические отношения между частными лицами (CTh, II, 19, 17 в частности, 1.2).

С ростом влияния в провинциях крупных землевладельцев особенно широко распространилась практика, позволявшая влиятельному лицу использовать свое имя для прикрытия любого беззакония. Лицо, прибегавшее к услугам магната, значительно отличалось от того, кто завещал свое имущество императору лишь бы «насолить» противнику. Завещание императору не создавало такой личной зависимости, какая возникала между лицом, прибегнувшим к имени и влиянию магната при ведении судебного дела, и этим магнатом. Кроме того, влияние отдельных *potentiores* возрастало в таком случае в ущерб государственной власти и императора как ее носителя, т. е. в ущерб Империи, как единому целому. Обыкновенные магнатов (особенно в провинциях) продавать свое имя, чтобы влиять на ход чужих процессов, приводило к тому, что в возращении ответчика (*libelli contradictorii*) предмет иска объявлялся принадлежащим подобного рода магнату (*persona potentior*), и таким способом затруднялось нормальное отправление правосудия. Иногда для той же цели ставились *tituli* могущественных особ на самом имуществе, главным образом — недвижимом, что стесняло проникновение на участок⁹.

Случалось и так, что именем влиятельного человека пользовались в той или другой форме и без его ведома; так, например, на недвижимых имуществах, по поводу которых кто-нибудь имел в виду выступить с притязанием, вывешивали надпись «владение императора», «владение такого-то». В кодексах как Феодосия, так и Юстиниана, имеется специальный титул (CTh, II, 14; CJ, II, 14 (15)), озаглавленный: «О тех, которые ссылаются в процессе на имена влиятельных магнатов или утверждают на самом имени их титулы».

Из единственной конституции, содержащейся в этом титуле, видно, какое магическое действие оказывало имя могущественного вельможи. Здесь говорится: «Наблюдается, что очень многие, призываемые к ответу в процессе, не надеясь успешно провести дело, так как дело это неправо, противопоставляют тем, кто предъявил к ним иск, титулы могущественных людей и привилегии знатных особ».

Еще Готофред (I, 177) отметил, что описанный здесь прием применялся ответчиком и соответствовал цессии иска *potentioribus* со стороны истца. Такой прием, который, по мнению законодателя, может запугать не только противника в процессе, но и судью, приводит к неправому решению дела. Конституция запрещает применять такие приемы, а также угрожает и влиятельным лицам, которые позволяют пользоваться их именем для устрашения стороны в процессе, и самим тяжущимся, прибегающим к этому средству защиты.

Если такое злоупотребление знатым именем происходит с согласия его носителя, закон грозит последнему умалением *dignitas*; его должно постигнуть осуждение общественного мнения (*publicae sententiae nota*); подобные лица — это как бы расточители своей славы, своего почета, они покрывают всякого рода безосновательные претензии. Если ссылка на влиятельного человека сделана помимо его воли, караются лишь непосредственные виновники, которых постигает как уголовное наказание

⁹ Об этом обычае есть упоминание у Августина в *Enarratio Balmi*, 21.

(ссылка в рудники), так и лишение того права, которое данное лицо хотело этим способом оградить (хотя бы его претензия была вполне основательна).

Тот же вопрос обсуждается в CJ, 2, 15 (16) — «Чтобы ни одно частное лицо не выставляло почетных титулов на своем или чужом имени и не вывешивало императорских флагов (*vela regalia*)», — причем законом Феодосия и Валентиниана 439 г. кара за этот запрещенный прием защиты усиливается.

Однако изложенные мероприятия правительства не смогли привести к осуществлению поставленной императорским законодательством цели — предупредить случаи давления на суд посредством противопоставления могущественного противника. В новеллах Юстиниана вновь встречается указание на необходимость не допускать «наложения титулов на имения» (XXIX, гл. 4; XXX, гл. 8), следовательно, данное злоупотребление не было изжито. Между тем нет оснований упрекать императоров в бездействии.

Попытки действовать в этом направлении начинаются довольно рано. Преемник Галлена император М. Аврелий Клавдий (268—270 гг.) издал распоряжение, чтобы никто, под угрозой утраты права требования, не смел пользоваться в процессе содействием *potentiores* с той целью, чтобы при помощи их влияния достигнуть того, что обычным путем получить было нельзя. Сам *potentior*, оказавший такого рода поддержку, тоже подвергался наказанию, без различия, постарался ли он выкупить предмет спора для себя или оказал иную помощь для достижения недозволенной цели.

Диоклетиан и Максимиан повторили распоряжения М. Аврелия Клавдия в рескрипте 293 (по другому мнению 287) г., данным Аристобулу, — вероятно, провинциальному чиновнику, усомнившемуся в своем праве разбирать дела, в которых затронуты интересы знатной персоны (*virī clarissimi*) (CJ, II, 13 (14), 1). Вот текст этого интересного закона:

«С божественной предусмотрительностью мудрейший предшественник наш Клавдий постановил, что лица, которые отдадут себя в процессе под покровительство *potentiorum*, должны караться проигрышем дела, чтобы эта угроза склоняла предоставить процесс его обычному течению, а не опираться на влияние более могущественных фамилий.

§ 1. Очевидно, его (Клавдия) так беспокоили жалобы провинциалов, что следить за соблюдением этого распоряжения и наказывать за его нарушение он поручил правителям провинций с тем, чтобы они строго взыскивали со всякого рода представителей (*auctores seu procuratores*), вступивших в процесс безвозмездно или за деньги.

§ 2. Поэтому и в интересах всех вообще и в особенности лиц, более зависимых, часто страдающих от невыгодного для них вмешательства более могущественных, тебе следует непосредственно разбирать такие дела. Не бойся нарушить этим компетенцию *clarissimi virī*, Клавдий специально вверил разбирательство и, в случае надобности, преследование по таким делам — правителю провинции».

Как видно из цитированного текста, законодатель опасается, что при наличии могущественного защитника процесс не потечет нормальным путем, а окажется в зависимости от средств могущественных домов (*opes potentiorum domorum*).

К рассмотренной конституции примыкает в Кодексе Юстиниана следующая — 1.2 (там же, *Honor. et Theod.* — 422 г. = CTh, II, 13, 1): «Если всякого рода *cautio* передается более влиятельным людям, то кредиторы должны в виде наказания лишаться права получить долг. Ибо очевидна недобросовестность (собственно — *voracitas*¹⁰) кредиторов, которые подставляют за себя других для осуществления своих исков».

Вторая половина конституции объясняет смысл этой меры: кредиторы прибегают к такой подстановке под влиянием своей *voracitas*, зная, что если иск будет предъявлен могущественным человеком, нечего бояться спорности права: суд его признает. Во из-

¹⁰ По замечанию Готофреда (1, 174, *nota h*) *voracitas* есть *malitia* или вообще *dolus in simili re*.

бежание таких сделок Гонорий и Феодосий признали необходимым воспретить цессию *potentioribus*.

Готофред снабжает это место таким комментарием: «Некоторые кредиторы, чтобы ослабить своих должников, подкупали могущественных людей для приведения в исполнение своих исков». Он замечает (I, 175), что одинаково воспрещена как окончательная цессия более влиятельному лицу, так и поручение вести дело, ибо в Dig. IV, 7, 3 — *de alien. iud. mut. causa* прекрасно сказано: «*potentioribus pares esse non posse*».

Изложенное позволяет прийти к заключению не только о совершенно неудовлетворительной постановке судебного дела в поздней Империи, но и о быстром росте влияния *potentiores* на суд. И хотя уже в классический период забота об обеспечении беспристрастного решения судьи проявлялась, между прочим, и в мерах борьбы с желанием одной из сторон подкупить своего противника в процессе, привлекая к участию *persona potentior*, именно в законодательстве поздней Империи подобные меры не просто более многочисленны. Они уже связаны с определенной линией политики защиты имущественно и социально слабого против *potentior* — политики, обнаружившейся во многих областях ¹¹.

Все это направление в императорской политике связано с попытками рабовладельческого государства препятствовать росту значения *potentiores*. Выражаясь языком императорских конституций, законодатель заботится об ограждении общественного порядка (*publicae disciplinae*) и обиженных *minores* (или, как сказано в Юстиниановом кодексе, *laesis tenuioribus*), как бы сочетая тем самым два мотива — поддержание государственного порядка и ограждение интересов слабого. Цепляясь за свои, становящиеся все более призрачными, права, императоры провозглашали идеи, не пригодные для складывающихся новых отношений. В поздней Империи шел процесс формирования сословий, сословное неравенство неизбежно вело к неравенству перед судом. Вопреки этому императорское законодательство пыталось еще настаивать на равенстве свободного населения перед судом. Всякий свободный, какого бы положения или звания он ни был, если он считает, что его дело велось судьями не беспристрастно и не справедливо (*non integre atque iuste*), может обратиться к императору (CTh, IX, 1, 4), который обещает лично разобрать дело, восстановить справедливость и наложить строгие взыскания на допустивших неправильные решения. Насколько подобные обещания исполнялись в действительности, сказать трудно. Бургхарт ¹², который приводит только что цитированный закон, говорит, имея в виду царствование самого Константина, что никакого улучшения в положении дел не наступило. Едва ли и в дальнейшем дела могли обстоять лучше. Доказательство тому — периодическое повторение мер, которые должны были служить для обеспечения судебного беспристрастия в тех случаях, когда социальный вес тяжущихся сторон был неодинаков.

В связь с провозглашенной императорами идеей доступности суда для всего населения Империи надо поставить и некоторые другие мероприятия в судебной области. Бедные освобождаются от обязанности вносить установленные в V в. судебные пошлины. Закон поддерживает введенный еще преторами обычай давать бедным бесплатных адвокатов ¹³. Требуется личное участие *potentiores* в уголовных процессах (CTh, IX, 1, 17—390 г.).

В первую очередь это законодательство касалось *ordo plebeius* — низшего свободного сословия. В него входили различные разряды населения и в целом оно еще мало изучено, за исключением одной его группы — колонов.

Императорское законодательство формально принимает ряд мер, направленных на обеспечение населения суда скорого. Этот мотив сыграл роль при издании конституций, воспрещавших при определенных условиях переносить дело из места житель-

¹¹ См. наши статьи «Некоторые вопросы аграрной политики начала домината» (ВДИ, 1961, № 4, стр. 85—97) и «Defensor civitatis» (ВДИ, 1965, № 2, стр. 113—121).

¹² J. B u r c k h a r d t, Die Zeit Constantins des Grossen, 4. Aufl., 1939, стр. 429.

¹³ O. P f a f f, Über den rechtlichen Schutz des wirtschaftlich Schwachen, Weimar, 1897, стр. 52—53.

ства ответчика в столицу. На ускорение судопроизводства направлена конституция Констанция 342 г., в которой отмечается, что судьи, избегая обжалования их решений, затягивают дело; конституция 342 г. предписывает заканчивать начатые дела и предоставлять желающим возможность апеллировать к префекту претория или специальным судьям *de appellationibus*. Применялось и множество других паллиативных мер, чтобы не ронять престиж суда в глазах населения.

Иногда одной из сторон в изъятие из общих правил о подсудности предоставляется возможность просить императора либо просто о передаче дела другому судье (как бы об отводе судьи — с этой целью дело переносилось в другую провинцию или в другой суд той же провинции), либо о разборе дела в *consistorium* самого императора. Просьба об этом иногда объясняется сложностью дела, но чаще поводом к ней оказывается страх, что из-за могущества и влияния противника или пристрастности судьи решение суда будет неправо. Однако удовлетворение подобного ходатайства одной из сторон связано для другой с издержками, потерей времени и другими затруднениями, которые возникают из-за перенесения процесса в новое место. Ввиду этого требуется специальное решение императора о перенесении дела; произвольное уклонение от обычного суда связано для стороны со ссылкой, а для адвоката — со штрафом (см. постановление Аркадия: CTh, II, 1, 9—397 г.). Отношение императоров к просьбам о перенесении дел (*evocatio*) неодинаково, оно зависит от социального положения сторон. Константин (CTh, I, 22, 2) отказывает в возможности перенести дело, если ответчики малолетние, вдовы, слабые, «чтобы они не были вынуждены выезжать за границы своих провинций». Напротив, если малолетние, вдовы и вообще «несчастные по несправедливости судьбы» (*fortune iniuria miserabiles*) станут просить о рассмотрении их дел императором, особенно если их побудит к тому страх перед чьим-либо могуществом (*alicuius potentium*), их просьбы должны удовлетворяться. Опять характерно неверие в то, что судья может сохранить беспристрастие, самостоятельность, когда в деле участвует *potentior*. Для исследователей всегда было очевидным, что прибегать к таким паллиативным мерам, какими ограничивались императоры, значило дискредитировать собственную власть и мириться с невозможностью искоренить зло. Однако не приходится вслед за учеными XIX в. считать политику императоров в этой области ошибочной или решать вопрос, были ли искренними их попытки нормализовать судебное дело.

При тогдашних обстоятельствах не только не существовало какого-либо средства противодействовать *potentiores*, но и речи не могло идти о решительном и последовательном противодействии императорской власти этому социальному слою. А для *tenuiores* заступничество *potentiores* выглядело более реальным, чем императорский суд.

Отсюда — цессия *potentioribus* (когда истец, сам недостаточно сильный, искал могущественного покровителя) и отсюда — вывешивание на недвижимых имуществах титулов могущественных лиц (когда ответчик старался заручиться покровительством *potentiores*). Отсюда — замена государственной юрисдикции частной ¹⁴.

Широко осуществлявшееся влияние *potentiores* на суд было последствием экономического значения *potentiores* (в первую очередь в сфере аграрной). Эта социальная группа стала влиять на судебное дело Империи потому, что большая часть местного населения была в ее руках, жила на ее землях или оказывалась от нее в зависимости. Можно в этой связи указать на постепенное исчезновение из кодексов категории *mediocres*, упоминания о которых становятся все реже и реже ¹⁵.

¹⁴ Этого вопроса в настоящей статье мы не касаемся, так как она основывается лишь на законодательных источниках, в которых нет и не может быть сведений о судебной власти крупных землевладельцев. «Судебной власти земледельцы не получали; но крупный магнат, могущественный человек (*vir potens*), располагавший сотнями и тысячами зависимых от него людей, легко мог присваивать себе эту власть, невзирая на грозные на словах, но в действительности мало страшные для него императорские указы, решительно воспрепятствовавшие подобную узурпацию» (Д. М. Петрушевский, Очерки из истории средневекового общества и государства, 5-е изд., М., стр. 105).

¹⁵ Из текста конституций (например, CTh, XI, 16, 4) видно, что это была некая промежуточная категория: *mediocres* — люди среднего достатка, наиболее самостоятельная категория среди *ordo plebeius*. По мере развития противоположности *poten-*

Мотив поддержки социально слабых в законодательстве, касающемся суда, можно сопоставить с тем же мотивом в законодательстве по аграрному вопросу, в законодательстве о дефенсоре. Тем же были и причины, вызвавшие подобное стремление законодателя несколько оградить социально слабых¹⁶. Насколько не случайным было это направление в императорской политике, видно уже из того, сколь широк круг вопросов, им охваченный. Помимо перечисленных выше областей, подобное стремление заметно даже в нормах семейного права, где, казалось бы, интересующий нас мотив не мог найти большого развития. И здесь встречаются нормы, направленные на смягчение влияния *potentiores*. Законодательство не могло не обращать внимания на социальное положение сторон прежде всего в вопросе о свободном изъявлении воли лиц, вступающих в брак (ср., например, конституции Грациана, Валентиниана и Феодосия, CTh, III, 6, 1 = CJ, V, 2, 1—380 г.). Названные императоры предусматривают случай когда правитель провинции или близкое к нему лицо, которое «может внушать страх» (*potest esse terribilis*), заключит помолвку с самой ли невестой или с ее родителями и скрепит эту помолвку передачей *arghae sponsaliciae*. Как известно, по общему правилу, если получившая *arghae* потом откажется вступить в брак, она в виде штрафа должна возместить жениху полученные подарки в установленном размере¹⁷. Императоры, предусматривая, что помолвка могла быть не вполне добровольной, выражают стремление обеспечить свободу вступающим в брак. В подобном случае невесте или ее родителям разрешается отступить от своего обещания, не подвергаясь штрафу и даже не возвращая полученных подарков.

Существует относящееся к тому же времени и другое подобное постановление (CTh, III, 11, 1 = CJ, V, 7, 1). А именно, если человек, облеченный властью, станет домогаться брака с женщиной против ее воли, он подвергается штрафу в 10 фунтов золота, лишается своей должности с воспрещением в течение двух лет въезжать в ту провинцию, где был судьей.

В то же время именно к области семейного права относятся известные постановления Константина, воспрещающие сенаторам и *perfectissimi* вступать в браки с *persona humilis* (CTh, IV, 6, 3; CJ, V, 27, 1), карой за нарушение этого предписания должна служить *infamia*. И это постановление и многие нормы уголовного и публичного права дают возможность утверждать, что нововведения в области права создавали благоприятные условия для роста экономического и политического могущества крупных землевладельцев, способствовали созданию новых сословий¹⁸.

Настоящая статья, однако, касалась иной стороны императорской политики поздней Империи, а именно той, которая тормозила отмену принципа юридического равенства свободных. Здесь рассматривались мероприятия в области судопроизводства, стремившиеся поставить *potentiores* в известные границы, в некоторых отношениях ограждающие интересы *tenuiores*. Результатом этой, для тех условий несомненно консервативной, политики и было то, что принцип юридического равенства свободных не был отменен, пока существовала Империя. Этот принцип постоянно ущемлялся¹⁹, как того и требовало растущее могущество *potentiores*, но лишь «наводнение Западной Европы германцами устранило все представления о равенстве...»²⁰. Империя же в своей политике еще не могла порвать с этими представлениями.

К. И. Новицкая

tiores — *tenuiores* упоминаются о *mediocres* встречаются реже. Впрочем, термин *mediocres* употреблялся и для обозначения бедных людей в смысле *tenuiores*. Таково, например, употребление этого слова в надписи, относящейся к *Salus Burunitanus* «*mediocritas nostra*» — CIL, VIII, 2, 10570 (ср. CTh, XI, 16, 3).

¹⁶ Новицкая, *Defensor civitatis*, стр. 114, 121.

¹⁷ Е. С. и Ф., *Les institutions juridiques des Romains*, II, Р., стр. 802.

¹⁸ См. Косунский, *Honestiores и humiliores*,..., стр. 90.

¹⁹ Можно указать на создание специальных судов в интересах определенных групп населения (сенаторов, духовенства, солдат), на отказ с V в. от публичного разбора дел и на некоторые другие мероприятия правительства. См. CTh, I, 12, 1; С. и Ф., ук. соч., стр. 868; CTh, II, 8, 3; Sid. Apoll., I, 2.

²⁰ Ф. Энгельс, *Анти-Дюринг*, М., 1966, стр. 101.

THE STRUCTURE OF LATE ROMAN SOCIETY AS REFLECTED
IN THE ADMINISTRATION OF JUSTICE

by K. I. Novitskaya

The present article may be considered in one sense a continuation of the fundamental theme developed by the author in two earlier articles («Some Problems of Agrarian Policy at the Beginning of the Dominate», *VDI*, 1961, 4 and «*Defensor civitatis*», *VDI*, 1965, 2), but here the discussion is based on different material, the evidence of legislation and legal procedures.

In Soviet studies dealing with the elements of social differentiation that appeared in the Late Empire attention has hitherto been focussed on only one aspect of legislation: the creation of favourable conditions for the growth of the *potentiores* by the limitations put on the rights of the lower layers of the free population.

The author concentrates on a different aspect of the problem, tracing a series of legislative acts, beginning with the fourth century, which were ostensibly intended to support the socially weak elements and to limit the social weight of the *potentiores*. The increased influence of the *potentiores* on the courts is analysed, especially *cessio potentioribus* (when a plaintiff, being not strong enough himself, sought the protection of *potentiores*) and the affixing to real property of the titles of *potentiores* (when a defendant tried to secure the protection of *potentiores*).

The resistance put up by the emperors to these tendencies seems to have been motivated by two aims: to maintain public order and to protect the interests of the weak. On the basis of evidence provided by legislation which attempted to affirm the equality of free persons before the law (*C. Th.* IX, 1, 4; *C. Th.* IX, 1, 17; *evocatio*, etc.) the author stresses the aspect of imperial policy which aimed to check violations of the principle of the equality of free persons before the law, an aspect which, in the circumstances of that time, was conservative in tendency. On the other hand, attention is also called to instances when this principle was infringed (*C. Th.* I, 12, 1, *Sid. Apoll.* I, 2; *C. Th.* II, 8, 3) in response to the growing power of the *potentiores*.
